

философия представляет неодолимые трудности. Ближе всех к Шестову оказался Оливье Клеман, но для этого ему пришлось превратить «определенную ап. Павлом веру как “уверенность в невидимом как бы в виденном” в киркегоровское сомнение».

В. Н. ИЛЬИН

Лев Шестов. *Sola Fide* — только верю (греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь)

Эта книга великого мыслителя, одного из самых блестящих представителей русского Ренессанса и религиозной метафизики нового времени, могла бы быть названа «концентратом» всего лучшего, что есть в творениях этого мыслителя, если бы не характерная его особенность, которую можно определить как «*моноидеизм*», т. е. преимущественное господство одной единственной идеи, в качестве «лейтмотива» проходящей через все дивные философско-метафизические симфонии этого автора. Однако богатство сопровождающих эту «моноидею» других побочных идей и богатство литературного ее выражения и «подачи» — все это исключает какое бы то ни было однообразие. Правда, и сама моноидея всегда полна живого интереса, всегда возбуждает мысли читателя, даже религиозно нейтрального. Мне приходилось встречаться с людьми, в которых чтение произведений Л. И. Шестова пробуждали и развивали дотоле дремавшие духовные потребности. Л. И. Шестов принадлежит к числу тех немногих мыслителей нового времени, на которых почил дух Паскаля. У него есть три небольших, но чрезвычайно острых и глубоких творения, которые поэтому можно назвать «ключами» к творчеству этого мыслителя. Сюда прежде всего относятся «Гефсиманская ночь», посвященная непосредственно религиозной трагедии Паскаля, «Скованный Парменид», трактующий с удивительной силой и ясностью силу веры, снимающую с человека оковы, которыми он был скован прельщением науки и философии; наконец, книга афоризмов и статей под общим и характерным названием *Potestas clavium* («Власть ключей»). Разбираемая здесь книга «*Sola Fide — Только верю*» может быть признана в известном смысле увенчанием всего творческого богатства этого удивительного писателя. В этом смысле творения Л. И. Шестова цельны и действительно вполне сравнимы с «Мыслями» Паскаля. Так же, как и Паскаль со всеми немногими истинно верующими, Л. И. Шестов всем своим существом жаждет источника подлинной силы и мощи, а не пустых слов, каки-

ми бы глубокими или какими бы красивыми они ни казались. И знания он хочет, конечно, не немощного, которое ничего не может, но знания «переставляющего горы», знания, которое прежде всего парализует, а затем и вовсе уничтожает убийственную демоническую власть «слепой необходимости, судьбы, которая не слышит убеждений». Л. И. Шестову нужны слова со властью, нужна мысль со всемогуществом, с «сердцем» и с «разумом». Ему нужно такое всемогущество, которому ведомы и жалость, и гнев, которое смеется, которое плачет, которое ненавидит, а не только познает. Для него неприемлем Спиноза, «убивший Бога», во всяком случае, убивший Бога в своем уме, а сердца философу иметь не полагается. Ведь Спиноза провозгласил девиз философов, не признающих Бога: «Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, но только познавать». Для него такое знание только о сущем (эссенциальное знание), но не знание о существующем (экзистенциальное знание), — есть знание, лишенное соли, или, лучше, есть соль, потерявшая силу и выбрасываемая на поприще людям. Для творца книги об «Афинах и Иерусалиме», книги «На весах Иова» знакомы по личному опыту вопли и терзания человека, у которого отнято все то, ради чего стоит существовать.

Для него мало значат эти характерные представители науки, профессорской равно как и стоической философии, да и вообще неверующей философии. «Жало смерти не щадит никого: нужно овладеть им, чтобы направить его против самой судьбы»¹ (В. И.). И когда судьба будет свалена, вместе с ней упадут и те истины, которые ею держались и ей служили. По ту сторону разума и познания, там, где кончается принуждение, «скованный Парменид», причастившись тайне вечно сущего, обретет вновь изначальную свободу и заговорит не как нудимый истиной, а как власть имеющий. Это первозданное ничем не ограниченное соизволение, не вмешивающееся ни в какое «знание», есть тот единственный источник, из которого можно зачерпнуть метафизическую истину. Такими истинно царственными глаголами заканчивает Л. И. Шестов своего «Скованного Парменида» (стр. 85–86). Есть только еще один философ — тоже русский, — говорящий с такой же силой и, пожалуй, еще сильнее. Это Н. Ф. Федоров².

Та великая сила, которой дано не только так говорить, но и так делать, есть, конечно, *сила Бога живого* и тех, кого Он захочет, кого Он соблаговолит ею наградить. Здесь начинается тайна этой великой силы, «переставляющей горы» и «воскрешающей мертвых». Сила эта *вера, и только вера*. В зависимости от ее наличия или от ее отсутствия, человек спасается или осуждается (Мк. 16:16).

Вот почему следует считать книгу Л. И. Шестова «*Sola Fide — Только верою*» увенчанием всего творчества этого необыкновенного мыслителя. Книга эта, однако, глубоко трагическая. В ней «на карту поставлены» основные проблемы смысла истории человечества, как

Образа Божия, на примерах таких показательных и кардинальных ценностей, как греческая и средневековая философия, Лютер и Церковь.

Книга Л. И. Шестова «Только верою», формально говоря, — экзегетическая и герменевтическая. Лютер написал перевод и толкование на одно из труднейших мест Св. Писания, именно на послание к Римлянам (3:28): «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона». Перевод Лютера есть одновременно и экзегеза и герменевтика, выводное толкование, ибо он прибавил слово *только*: «только верою». В критических ученых изданиях, например Эбергардта Нестле³, эта экзегетически-герменевтическая прибавка «только» удержана. Надо признать, что она соответствует всему духу послания, — так, во всяком случае, полагают Лютер и Шестов. В сущности, вся книга Л. И. Шестова есть комментарий на это подчеркнутое «только верою» (по латыни *Sola Fide*, хотя в греческом подлиннике этого «только» не имеется). По своей чрезвычайной трудности, как для экзегета, так и для герменевта, это может быть сравнено только с знаменитым текстом послания к Филиппийцам (2:6–8), где идет речь о «кенозисе» (уничижении) Господа Иисуса Христа. По поводу этого места знаменитый академик Н. Н. Глубоковский⁴ свидетельствует: «Нелегко подобрать другой пример, где разногласие экзегетов и догматистов достигало бы такой остроты для принципиального понимания всей христианской теологии»*. Такое второе место найдено Лютером и Шестовым — оно есть текст об оправдании верою (Рим. 3:28). *На этом собственно тексте и произошло радикальное расхождение между Лютером и Католической Церковью, превратившее Реформацию в настоящую церковную революцию и сделавшее Лютера непримиримым противником Папства и Католичества.*

Вся книга Л. И. Шестова есть широко развернутый комментарий, посвященный этому событию, и где автор «*Sola Fide*» во всеоружии своей эрудиции оправдывает богословско-метафизическую установку Лютера, равно как его грандиозное дело, на долгие столетия увековечившее эту трещину между двумя ветвями скриптуральной экзегезы⁵. Это и неудивительно. Ведь здесь шла речь, да и теперь идет речь — быть ли с Афинами и со средневековой философией в союзе против св. ап. Павла, создателя исторического христианства, т. е. быть ли против Иерусалима, или быть в союзе со св. ап. Павлом и пребывать в Иерусалиме против Афин и средневековой философии. Ведь не надо забывать, что, согласно точке зрения Л. И. Шестова, вся средневековая философия, со св. Фомой Аквином во главе и за очень малыми исключениями (вроде Петра Дамиани в X в.), отступила от духа св. Писания, чтобы пойти на поводу у эллина Аристотеля, окончательно отпавшего от Бога (в его библейском понимании). Л. И. Шестов

* Глубоковский Н. Н. Благовестие св. ап. Павла. Кн. 2. СПб., 1910. С. 281.

и Платона в Тимее и Федоне считает лишь наполовину признающим Бога, — что же сказать об Аристотеле, со всею резкостью отмежевавшимся от своего гениального учителя, которому он не мог простить его трансцендентного мира, его мистики. Впрочем, по поводу Платона у Л. И. Шестова заметны колебания. Правда, подобно тому как среди средневековых отступников от библейского Бога, «Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова, не философов и ученых», говоря языком Паскаля, он усмотрел себе агнца Петра Дамиани (не говоря уже о некоторых подвижниках святых, как св. Тереза из Авилы, св. Иоанн Крест⁶ и др.), так и среди эллинских так сказать «ветхозаветников» философии он усмотрел себе тоже агнца, находящегося со всей своей братией в резком противоречии с общим духом древнегреческой философии. Этот агнец — глава цинической школы, знаменитый Антисфен⁷, с братией, куда включился и скандально знаменитый Диоген Синопский⁸, прозванный еще в древности «сошедшим с ума Сократом»... сошедшим с того самого ума, который через вкушение пагубного древа совратил человека и вместо познания добра и зла завлек его в «ров погибельный», в смертную бездну. Книга Л. И. Шестова начинается с прославления Антисфена и Диогена Синопского. И это вполне в согласии с духом уже упомянутой книги «Скованный Парменид»...

Л. И. Шестов готовится к своей философии веры, уводя от не-свободы, скованности, от принуждения и повиновения к свободному повелению, к тому, чтобы «все свершалось по моему желанию» и чтобы «я говорил как власть имеющий» и действительно был свободным и повелевающим Сыном Божиим, а не рабом у слепой судьбы. По этому случаю («Скованный Парменид», стр. 44) Л. И. Шестов вспоминает евангельскую истину о том, что «Царство Божие берется силой». Обе книги — «Скованный Парменид» и «*Sola Fide* — Только верою» — в сущности, есть учение и повествование о том, какую мощью обладает подлинная вера.

Скажут: это значит бороться с самоочевидностью. Но Платон всю свою жизнь только и делал, что боролся с самоочевидностью. Чтобы одолеть ее, он пошел к тем отдаленным окраинам бытия, куда никто не ходит, где по общему убеждению никакой жизни нет и быть не может, где вообще ничего нет, где владычествует смерть. Это тоже, конечно, величайшее дерзновение, последнее бесстыдство, на которое способен человек (там же, стр. 44). Выше Л. И. Шестов вспоминает острое изречение Платона: «Если на все дерзать, не попытаться ли нам быть бесстыдными». Конечно, так можно выразиться только перед лицом последнего отчаяния, когда терять больше нечего, когда человек вступает на путь «пограничных экзистенциальных состояний» (согласно Карлу Ясперсу⁹), когда вступают в полную силу знаменитые пророческие слова Плотина, столь излюбленные Л. И. Шестовым,

именно потому, что они приводят человека к вратам всемогущей веры: «Великая и последняя борьба ожидает человеческие души...»¹⁰

На путь этой борьбы и вступил Лютер, когда сердце и сердечный разум подсказали ему, что без веры никакие дела (то есть в конечном счете «дела закона») не помогут, уже только по той причине, что человек постоянно нарушает закон и по своей греховной немощи не может его не нарушать — и поэтому умирает. Но, «может быть, за ужасами и трудностями смерти кроется что-либо, что нам нужнее, чем легкость и приятность обыденной жизни? Терять уже нечего: к судьбе-необходимости ходили, ее выспрашивали и упрашивали, она не сдвинулась и не сдвинется со своего места... А если сдружиться со смертью, если пройти сквозь игольное ушко последнего, страшного одиночества... надо, собрав все свое мужество, пойти навстречу смерти и у нее попытаться счастья» (там же, стр. 45). И первым долгом расстаться с обычным типом мышления, с его ничем, кроме жалких повторений, не дающего «закона тождества» и его вариантов. «Обычное мышление», мышление человека, «повинующегося» и отступающего перед угрозами, нам не даст ничего. Первый шаг: приучить себя не считаться с «достаточным основанием».

Смерть он принял и со смертью сдружился. Ведь умирание и смерть в корне подрывает власть необходимости, судьбы и всех тех самоочевидных истин, которые этой необходимостью, судьбой держатся. Душа начинает чувствовать, что ей дано не покорствоваться и повиноваться, а водить и повелевать (Федон 64А, цит. по: там же, стр. 46), и в борьбе за это свое право, она не побоялась перелететь за ту роковую черту, где кончаются все ясности и отчетливости и где обитает Вечная Тайна.

Сила Божия в немощи совершается, и мертвые, согласно медитациям Л. И. Шестова, не только «срама не имеют», но если они умерли в Боге — блаженны, сильны до всемогущества и наделены знанием «лицом к лицу». Перед лицом Божиим все радикально меняется, особенно для прошедших через врата смертные путем Креста Господня. «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия»¹¹. В разных местах своих посланий ап. Павел возвращается все к этой же истине напоминанием, что обычные пути человеческого познания обязательно погибнут и запустеют перед триединым путем *Веры, Надежды и Любви*, открываемым *Верою*: Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну» (Ис. 29). И подобно тому, как в 1Кор. 13 св. ап. Павел поет вдохновенный гимн любви, так он в Евр. 10:38–39 и 11:1–40, а также Евр. 12:1–29; Евр. 11:1 дает знаменитое определение веры, как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

Озираясь на духовный путь, пройденный человечеством к XIII веку, когда св. ап. Павел и с ним Слово Божие оказались, по его мнению

(не далекому от истины), вытесненными из умов и, что гораздо хуже, из сердец человеческих, и, притом не Платоном, но Аристотелем, Лев Шестов имел полное право ударить в набат.

Повторяем, все творчество Л. И. Шестова является таким набатом, но особенно книга *Sola Fide* и вводящий в эту книгу гениальнейший очерк «Скованный Парменид».

К. Д. ПОМЕРАНЦЕВ

Мысли о нашем времени. «*Sola Fide* — только Верую»*

Как это так получается — Шестов пишет об Антисфене и о Сократе, о Лютере и его бунте против католицизма, а, читая книгу, кажется, что она написана о нашем времени, о теперешних днях? Создается впечатление, что древние философы, протестантство и католичество — лишь внешняя форма, прием и что речь идет не о том, что было, а о том, что есть: о самом насущном для человеческой души, о тех неразрешимых вопросах, которые ставит современность перед человеком, о выходе из тех тупиков, в которые все больше и больше заходит современное человечество.

На протяжении почти трехсот страниц Лев Шестов рассказывает, каким образом знание восторжествовало над верой, как в сущности не только богословы и философы, но сами отцы Церкви, старались разъяснить Тайну и подчинить истины Откровения истинам умозрения. Но наше время мало интересуется религией, и можно без большого преувеличения сказать, что Запад, во всяком случае, устроился без религии, а западная наука и философия — за минимальным исключением — религии не касаются и развиваются вне ее. Религия давно перестала быть духовным нервом людей.

И тем не менее книга Льва Шестова написана о нашем времени и о человеке нашего времени. Потому что никогда за всю историю человечества разрыв между верой и знанием, между божественным и человеческим не был таким резким и безнадежным, как теперь. А между тем новейшая математика, физика бесконечно малых величин, кибернетика с ее «компьютерами», психоаналитические теории никогда еще не приближали человека к той области, где одного разумного знания, одного логического мышления уже недостает. Приходится искать другие координаты и другие измерения.

* Шестов Л. *Sola Fide* — только верую. Париж: YMCA-Press, 1967.